

Есмағұлова Г.Ж., Жусупова Р.К.

**Героические женские образы
в «Книге моего деда Коркуда»**

В статье раскрывается «женская история», отраженная в письменном памятнике средневековой тюркской культуры «Книга моего деда Коркуда». «Женская история» представляется развивающейся наряду с историей войн и набегов султанов и вождей племен огузов. Известный по богатырской сказке и героическому эпосу образ богатырской девы представляется как женский идеал кочевых и полукочевых тюркских народов. В статье прослеживается эволюция женского образа, отраженная в сказаниях, легендах и мифах тюркских народов. В данной публикации подчеркивается архаичность женского образа древних рассказов тюркских народов. В статье по материалам эпоса огузов, исторических источников и научным публикациям прослеживается реалистичный характер женского идеала эпоса тюрков времени жизни сказителя и музыканта Коркут-Ата. В статье отмечается, что женский идеал эпоса огузов обусловлен образом жизни тюрков, в котором война являлась «почетным занятием», «своего рода спортом».

Ключевые слова: древняя богатырская сказка, тюркский героический эпос, «женская тема», богатырская дева; «завоеванная женщина», «плач» женщин, женщина-«со-правительница», хранительница семейного очага.

Esmagulova G.Zh., Zhussupova R.K.

**Heroic female images in «The
book of my grandfather Korkud»**

The «female history» described in a written monument of medieval Turkic culture «The book of my grandfather Korkud» is given in the article. Alongside with history of wars and attacks of sultans and leaders of tribes of oguz «The female history» is represented in it as well. The image of the powerful maiden, known in the powerful fairy tale and the heroic epos, is represented as a female ideal of the nomadic and semi-nomadic Turkic people. The evolution of a female image reflected in legends, legends and myths of the Turkic people is traced in the article. Archaism of a female image of ancient stories of the Turkic people is emphasized in this publication. Realistic character of a female ideal of the epos of Turkic peoples at the time of the storyteller' life and musician – Korkut-At is traced in the article on materials of the epos of oguz, historical sources and scientific publications. The female ideal of the epos of oguz is caused by a way of life of Turkic peoples in which war was «honourable occupation», «some kind of sport», this fact is noted in the article.

Key words: ancient powerful fairy tale, Turkic heroic epos, «a female subject» as history of powerful maidens and history of «the captured woman», «crying» of women, the woman – «with – the ruler» and the keeper of the family center.

Есмағұлова Г.Ж., Жүсіпова Р.К.

**«Қорқыт-Ата кітабындағы»
батыр әйелдер бейнесі**

Мақалада ортағасырлық түркі мәдениетінің жазба мұрасы «Қорқыт-Ата кітабындағы» әйелдер тарихы талдауға арналған. Әйелдер тарихы оғыз тайпаларының көсемдері мен сұлтандарының арасындағы өзара шайқастарда көрінеді. Көшпелі түркі халықтарының батырлық ертегілері мен батырлық эпостарындағы батыр қыздар ерліктің халық санасындағы асыл мұраты ретінде көрінеді. Мақалада түрік халықтарының ертегілерде, аңыздар мен мифтерінде бейнеленген әйелдік бейнесінің эволюциясы көрсетіледі. Бұл мақалада түрік халықтарының көне аңыздарында архаикалық әйелдік бейнесі суреттелгені көрсетіледі. Мақалада оғыздар эпосы, тарихи деректер мен ғылыми мақалалар бойынша жинақталған материалдары арқылы жырау және күйші Қорқыт-Ата заманындағы түріктер эпосындағы реалистік әйелдік бейнесі суреттелгені көрсетіледі. Мақалада оғыздар эпосында шығарылған әйелдік идеал бейнесі түріктердің өмір салтына байланысты соғыс – «құрметті қызметке», «спорттың ерекше түріне» теңестіріліп айтылады.

Түйін сөздер: ежелгі батырлық ертегі, түркі батырлық эпосы, «әйелдік тақырып», жауынгер қыздар бейнесі, «жаулап алынған әйел», әйелдердің «жоқтауы», әйел ел басқарушы, отанасы.

**ГЕРОИЧЕСКИЕ
ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ
В «КНИГЕ МОЕГО ДЕДА
КОРКУДА»**

В рамках данной публикации мы ставим целью освятить ряд вопросов, суммарно обозначенной нами как «женская тема» или как «женская история», что находит отражение в эпосе огузов, повествующем о войнах огузов. На примере ряда героических женских образов, воссозданных в рассказах «Книги моего деда Коркуда» и по материалам трудов В. М. Жирмунского по тюркскому героическому эпосу ставится целью раскрыть обобщенный образ богатырской девы, женского идеала кочевых и полукочевых тюркских племен. Используя материалы эпоса огузов и сведения из источников исторического и этнографического плана об образе жизни и быте кочевых и полукочевых тюркских народов, преследуется цель проследить отдельные моменты объемной и мало изученной темы о положении женщин тюркских народов средневековья.

В трудах исследователей, посвященных рассказам «Книги моего деда Коркуда», история «народов огузов» предстает исключительно как история войн, походов и завоеваний, которые ведут главы огузских племен. В сведениях из исторических источников по эпосу огузов упоминания о женщинах прошлого имеют подчиненное значение, в них о женщинах упоминается в связи с деяниями государей и беков, вождей племен огузов.

Ограниченность сведений по избранной нами «женской теме», представленной рамками рассказов героического эпоса огузов, можно частично восполнить материалами научных публикаций исторического и этнографического плана, посвященных духовному наследию огузов. Сведения об образе жизни, о быте, о государственном устройстве и политических институтах племен огузов, что приводятся в данных источниках, позволяют нам внести исторический фон в «женскую тему» [2], [10], [11]. Научные публикации историко-филологического плана по героическому эпосу огузов дают методологический инструментарий, позволяющий раскрыть «женскую историю», что содержится в рассказах «Книги моего деда Коркуда». Как образец работ данного ряда можно назвать труды В. В. Бартольда и В. М. Жирмунского, посвященные эпосу огузов. Выведенные в них типические сюжеты и типические образы героев рассказов эпоса огузов, применяемые ими подходы анализа и введенные понятия могут быть использованы как методологическая база в освещении «женской темы», которая присутствует в «Книге моего деда Коркуда» [3], [9], [5].

Ясно представляя сложность и объемность обозначенной темы, мы ограничимся отдельными «шагами» в ее освещении. В первую очередь, опираясь на сведения из трудов В. М. Жирмунского по древней богатырской сказке и героическому эпосу тюркских народов Алтая и Средней Азии, мы сопоставим в них эпизоды с участием женских образов. Сопоставление эпизодов с участием женских образов в богатырской сказке и в героическом эпосе, что приводятся в трудах В. М. Жирмунского, позволяет «оттенить» состояние «женской темы» в них и очертить обобщенный образ богатырской девы, женский идеал кочевых и полукочевых тюркских народов.

О состоянии «женской темы» в богатырской сказке позволяет судить статья Р. С. Липец ««Завоеванная женщина» в тюрко-монгольском эпосе» [12]. Р. С. Липец приводит замечание Э. Б. Овадлова, высказанного им в отношении калмыцкого «Джангара», точно схватывающее состояние освещения женских образов в богатырской сказке и в раннем героическом эпосе. Р. С. Липец, ссылаясь на Э. Б. Овадлова, подчеркивает, что «семейная жизнь богатырей не имеет подробного описания» и «невеста героя зачастую не имеет характеристики» [13, 69]. Тому причиной, как замечает Р. С. Липец, является подчиненное положение «женской темы» в богатырской сказке.

Материалы трудов В. М. Жирмунского по богатырской сказке тюрко-монгольских народов свидетельствуют, что женские образы в них не имеют самостоятельного сюжета. Роль женских образов в богатырской сказке ограничена ролью «далекой суженой» богатыря и их участие в событиях богатырской сказки не выходит за грани сюжета героического сватовства богатыря. В трудах В. М. Жирмунского часто приводятся тексты из богатырских сказок, в которых богатырю сообщается о его «далекой невесте». В них о «суженой» богатыря сообщается согласно формуле: «Оживляет она умерших, поднимает павших, на сухом дереве заставляет листья распусться, на сухом русле заставит воду побежать, – такая говорят волшебная красавица; она-то и есть, говорят твоя суженная!» [9, 245].

В работах В. М. Жирмунского приводятся и другие варианты подобных эпических клише из тюрко-монгольских сказок: «Она так прекрасна, что когда спит, повернувшись спиной назад, что люди задней (северо-западной) стороны от ее блеска поднимаются (с постели), открывают дымоход юрты, выносят ночной пепел и доят коров, думая, что с утренним рассветом взошло солнце. Она так прелестна, что когда спит, по-

вернувшись лицом вперед, то люди передней стороны поднимаются с (постели), открывают дымоход своей юрты и доят коров, думая, что настала утренняя заря» [9, 249]. Подробные описания женской красоты в богатырских сказках являются не редкими и меньше всего несут информацию о героинях богатырских сказок. Как отмечает Р. С. Липец, женский образ в богатырской сказке «не имеет характеристики» [12, 69].

Женский идеал кочевых тюркских народов в богатырской сказке не находит глубокого освещения. При всех исключительных чертах как шаманки или как богатырской девы героиня богатырской сказки «не имеет характеристики» и обрисовывается всего «несколькими штрихами». Образ богатырской девы предстает вне исторической жизни тюрко-монгольских народов средних веков. В богатырских сказках мы не находим никаких намеков на социальные условия жизни женщины той эпохи.

В другом состоянии предстает «женская тема» в героическом эпосе. Женские образы, что мы находим в рассказах «Книги моего деда Коркуда», предстают достаточно реалистичными, глубокими и многогранными. В двенадцати рассказах «Книги моего деда Коркуда» мы находим целый ряд женских образов. О глубине и многогранности женских образов, воссозданных в рассказах «Книги моего деда Коркуда», свидетельствует прослеживаемые по эпосу огузов образы богатырских дев разного порядка. В ряду женских образов в рассказах эпоса огузов выделяются древние женские образы, созданные в начальный период истории огузов на Сыр-Дарье. Новые женские образы предстают как следствие героической идеализации исторической жизни огузов в Закавказье и в Малой Азии

Следует отметить, что женские образы в героическом эпосе, как и в богатырской сказке, не имеют самостоятельного сюжета, но, тем не менее, героиням эпоса во многих рассказах предоставляется значимое участие в событиях жизни огузов. Женским образам в героическом эпосе огузов представляется широкий спектр ролей. Женские образы в рассказах «Книги моего деда Коркуда» выступают в роли матерей молодых огузских богатырей. Достаточно выразительными предстают женские образы в роли «со-правительниц» рода.

В рассказах «Книги моего деда Коркуда», построенных по сюжету героического сватовства богатыря, женским образам предоставляется роль «далекой суженой» богатыря. Сюжет героического сватовства огузского богатыря выступает на первый план в двух рассказах «Книги моего де-

да Коркуда» (III, IV). В третьем рассказе «Книги моего деда Коркута» ведется повествование о героическом сватовстве Бамси-Бейрека, сыне Кан-Буры. В шестом рассказе повествуется о героическом сватовстве Кан-Турали, сыне Канлы-Коджи. В них устами молодых огузских богатырей представляется женский идеал народа огузов. Богатыри, молодые огузские беки, в обоих рассказах высказываются об идеале «суженой» единой формулой. Бамси-Бейрек в третьем рассказе эпоса огузов высказывается отцу о своем идеале «невесты» формулой: «Отец, возьми для меня такую девицу, чтобы пока я еще не встал с места, она уже встала; чтобы пока я еще не сел на своего черного богатырского коня, она уже села, чтобы пока я еще не вышел на битву, она уже принесла мне голову (врага); такую женщину возьми мне отец» [1, 36]. В шестом рассказе Кан-Турали о своей «далекой невесте» сообщает отцу той же формулой. Идеал «невесты», представляемый героями обоих рассказов, являет женский идеал, востребованный временем жизни народа огузов в Закавказье и Малой Азии.

Образы «далеких суженых» богатырей в эпосе огузов представляют Сельджан-хатун (VI) и Бану-Чечек (III). В эпосе огузов Сельджан-хатун отводится роль трапезунтской (греческой) царевны и невесты огузского богатыря Кан-Турали. Молодой огузский богатырь Кан-Турали, сын одного из старейшин племен огузов, участвует в брачном состязании, устроенном тавагором (правителем) крепости Трапезунт и завоевывает себе в невесты дочь правителя. По сведениям, приводимым В. В. Бартольд и В. М. Жирмунским, за историей героического сватовства Кан-Турали стоят реальные исторические события [3], [6]. Событиями, что послужили созданию рассказа о героическом сватовстве богатыря Кан-Турали, предстают набег на Трапезунт туркменского эмира Турали-бека, совершенный им в 1348 г., и последующая женитьба его сына Кутлу-бека на трапезунтской царевне Марие, сестре Алексея III Комнена [6, 94].

Мы обратились к историческим событиям, послужившим созданию рассказа, чтобы подчеркнуть, что веяния западной христианской культуры не отразились на образе трапезунтской царевны Сельджан-хатун. Образ Сельджан-хатун, как и рассказ в целом, пропитан героическим духом старых эпических традиций огузов. В рассказе Сельджан-хатун, несмотря на греческое происхождение, предстает истинно туркменской (огузской) воинственной девой.

Трапезунтская царевна Мария, с именем которой связана история брака туркменского

султана, никак не повлияла на черты богатырской девы Сельджан-хатун. Сельджан-хатун создается по древнему образу девы-воительницы из рассказов «Книги моего деда Коркуда» Бурла-хатун. Обе богатырские девы предстают сражающимися с гяурами – врагами огузов. Бурла-хатун в четвертом рассказе вступает в сражение вместе с огузскими беками за освобождение из плена гяуров сына Уруза [1, 57-58]. Дева-воительница Сельджан-хатун в рассказе о героическом сватовстве Кан-Турали (IV) сражается с отрядами правителя крепости Трапезунт [1, 69].

В рассказах эпоса огузов мы находим два плана развития «женской истории». Основной план развития «женской истории» – это история героических женских образов, представленных в рассказах «Книги моего деда Коркуда» богатырскими девами. За историей богатырских дев в виде небольших эпизодов проступает второй план «женской истории» – это история «завоеванной женщины» (Р. С. Липец). Следует отметить, что образ «завоеванной женщины» предстает одной из ролей многогранных женских образов героического эпоса огузов.

Рассказы «Книги моего деда Коркуда» несут достаточно широкую информацию об истории «завоеванной женщины». Об этой стороне «женской истории» свидетельствуют образы седовласых матерей, ожидающих сыновей с полей сражений или из длительного плена, «голубоглазых дев», захваченных огузскими богатырями при взятии крепостей гяуров, рабов и рабынь, которых огузские беки отпускают на волю в связи с удачными походами. Сведения об истории «завоеванных женщин» можно также частично восполнить материалами научных публикаций исторического и этнографического плана, посвященных духовному наследию огузов. [2], [10], [11].

В. П. Курылев указывает на социальные истоки положения «завоеванной женщины» кочевых тюрко-монгольских народов [11]. При развитых феодальных отношениях, как отмечает В. П. Курылев, у кочевых народов огузов сочетаются «довольно развитый рабовладельческий уклад» и сохранившиеся родовые пережитки [11, 5]. Наличием развитого рабовладельческого уклада у тюрко-монгольских народов с их «военным бытом» обуславливается возможность истории «завоеванной женщины». Р. С. Липец со ссылкой на сведения С. П. Толстова в статье ««Завоеванная женщина» в тюрко-монгольском эпосе» указывает на двойственное, противоречивое положение женщины тюрко-монгольских кочевых народов средних веков [12, 43]. Ссы-

лаясь на материалы тюрко-монгольского эпоса, Р. С. Липец убедительно показывает, что женщина в условиях «военного быта» кочевых тюрко-монгольских народов легко могла стать «добычей» богатыря, пленницей, рабыней.

Одной из страниц истории «завоеванной женщины» предстает положение женщины-пленницы. Р. С. Липец отмечает в этой связи, что в героическом эпосе огузов числе дорогих вещей, что захватывают богатыри во время военных походов, часто называются женщины. К примеру, в третьем рассказе «Книги моего деда Коркуда» вышедший из плена Бамси-Бейрек возвращается с отрядами огузских беков в Байбурд, чтобы освободить тридцать девять воинов-дружинников. Огузские беки захватывают крепость. В рассказе называется захваченное ими добро. Как отмечает Р. С. Липец, «голубоглазые девы» помещаются «между дорогими тканями и панцирями» [12, 47]. В рассказе вместе с «пятой частью добра» женщины, захваченные во время военного похода, передаются «хану ханов Баюндуру» [1, 48]. В рассказе о Бамси-Бейреке (III) список захваченной огузскими беками добычи передается следующим текстом: «Из пестрых рядов стана, из чистого кумача, из голубоглазых дев, из девяти панцирей, из золотого шитья и сукна, (из всего) они отделили пятую долю для хана ханов Баюндура. Остальное раздали борцам за веру» [1, 76]. В рассказах эпоса огузов такие эпизоды встречаются довольно часто. В седьмом рассказе «Книги моего деда Коркуда», в котором герой рассказа Иекенк освобождает из плена отца Казылык-Коджу, также содержится текст, сообщающий о женщинах-пленницах богатырей.

Другой драматической страницей истории «завоеванной женщины» предстает положение женщины-рабыни. В рассказах эпоса огузов неоднократно упоминается о наличии у огузов рабов и рабынь [12, 5]. Сколько рабов получали огузы при свершении набегов на иноплеменные народы, можно судить по сведениям о том из рассказов эпоса. К примеру, четвертый рассказ, как и многие другие рассказы эпоса огузов, завершается повествованием о решающем сражении огузов с гяурами. В данном рассказе содержатся сведения о количестве захваченных огузами в плен воинов гяуров. «Частью были перебиты, частью были взяты в плен пятнадцать тысяч гяуров», – повествуется в рассказе [1, 59]. В этом же рассказе по завершении сражения за освобождение Уруза (IV) на «семь дней, семь ночей устраивается пир и ради долголетия сына Уруза» Казан-бек отпускает на

волю «сорок рабов и рабынь» [1, 31]. В двух других рассказах «Книги моего деда Коркуда» (II и IV), также связанных именем Казан-бека, упоминаются девушки-рабыни, разносящие кубки с вином. «Девять чернокожих прекраснотлицых красавиц, дочерей гяуров, с руками, окрашенными хной от самой кисти, с разукрашенными пальцами, подавали кубки бекам остальных огузов», повествуется о том в рассказе о Казан-беке [1, 22]. В данных событиях, как и в эпосе в целом, находит отражение историческая жизнь огузов в Закавказье и в Малой Азии. Целью походов и набегов огузов на иноплеменные народы являлся захват наряду со скотом и иным ценным добром и людей.

В рассказах эпоса огузов богатырская дева Бурла-хатун разделяет историю «завоеванной женщины». Противоположные роли, с которыми в рассказах эпоса огузов выступает Бурла-хатун, свидетельствуют, что богатырская дева могла разделить историю «завоеванной женщины», легко могла стать пленницей и разделить судьбу наложницы врага, или стать его рабыней, «олжокатын», женой, полученной в качестве военной добычи» [12, 43]. К примеру, в рассказе о пленении Уруза (IV) Бурла-хатун выступает в роли богатырской девы, в другом рассказе, (в рассказе о разграблении дома Салор-Казана) (II) Бурла-хатун выступает в роли пленницы. События рассказа о разграблении дома Салор-Казана носят исторический характер и свидетельствуют о войнах между огузами и печенегами и прослежены В. М. Жирмунским по трудам Вл. Гордлевского, и В. В. Бартольда [5, 379].

В. М. Жирмунским по «Родословной туркмен» Абулгази прослеживается история пленения печенегами матери Казан-бека. По сведениям из «Родословной туркмен», мать Казан-бека была пленена и по прошествии трех лет выкуплена. По возвращении из плена через полгода она рождает сына, зачатого в плену от врага [5, 380]. В рассказе из эпоса огузов, как отмечает В. М. Жирмунский, данная история «дублируется» дважды» [5, 381]. В первый раз – в диалоге Казан-бека с гяурами в отношении его плененной престарелой матери [5, 381]. В рассказе из «Книги моего деда Коркуда» гяуры обещают вернуть Казан-беку мать вместе с его «единоутробным братом», которого она понесет от победителя» [5, 381]. Этот же сюжет «переживает» плененная Бурла-хатун, жена Казан-бека, над которой гяуры обещают надругаться [5, 381]. В рассказе из эпоса огузов в этой связи передаются все трагические переживания богатырской девы Бурла-хатун, ставшей пленницей гяуров. В. М.

Жирмунский находит, что в эпосе огузов представляется героизированная история тех событий. В рассказе из эпоса огузов история разграбления дома Салор-Казана завершается решающим сражением огузских богатырей и полным поражением гяуров.

Образ богатырской девы в ее истории как «завоеванной женщины» красноречиво характеризует плач женщин по захваченным в плен мужьям и сыновьям. Как отмечает Р. С. Липец, «плач» женщин является частым мотивом в эпосе многих народов. Как пример мотива с плачем женщины-пленницы Р. С. Липец приводит «причеть» Брисеиды из «Илиады» Гомера. Р. С. Липец отмечает, что «плач» Брисеиды, пленницы Ахилла, отнятой у него как часть добычи (по праву старшинства) царем царей Агамемноном», наполнен «глубоким социальным смыслом». Р. С. Липец приводит комментарий «плача» Брисеиды из «Илиады» И. И. Толстого [12, 54]. «Плач Брисеиды, – отмечается в комментарии И. И. Толстого, – имеет для нас огромный социальный смысл, ее причеть – не поэтический вымысел, а живая былая действительность, драма женщины, оказавшейся одной из жертв античной войны и тогдашнего рабовладельческого уклада жизни» [12, 54]. «Плач» женщин в рассказах «Книги моего деда Коркуда», как и «плач» Брисеиды из «Илиады» Гомера, также наполнен социальным смыслом и раскрывает «действительную драму женщины» кочевых народов огузов.

Следует отметить, что «плач» героинь рассказов «Книги моего деда Коркуда» можно подвергнуть анализу с разных сторон. Можно задать целью раскрыть их «социальный смысл», как то было проделано с «плачем» Брисеиды из «Илиады» И. И. Толстым [12, 54]. Ученые-фольклористы при обращении с «плачами» героинь рассказов «Книги моего деда Коркуда», возможно, будут подвергать анализу их речевую (языковую) структуру. На наш взгляд, «плач» женщин в рассказах эпоса огузов позволяет проследить особенности мироотношения тюркских народов средневековья в условиях военно-кочевого образа их жизни. Следует отметить, что данная сторона анализа рассказов «Книги Коркута» требует специального исследования, и мы ограничимся отдельным замечанием. Представляя песни-плачи женщин в рассказах эпоса огузов, нам следует отметить, что в них убедительно раскрывается присущее для огузов их отношение к жизни. Огузам были чужды настроения смирения и покорности, принятие действительности как неотвратимой судьбы, о том свидетельствуют все их героические подвиги.

Женский идеал кочевых и полукочевых тюркских народов предстает в образе богатырской девы, но эпос огузов свидетельствует, что война не женская стихия. К образам богатырских дев не приложимы известные определения Вл. Гордлевского о вождах огузских племен такие, как «жили всегда наготове» или «война была своего рода спортом». «Женская история» в рассказах «Книги моего деда Коркуда» все больше раскрывается в мотивах с плачами женщин по не вернувшимся с военных походов мужьям и сыновьям и в эпизодах с «завоеванными женщинами».

Эпос огузов также свидетельствует, что «женская история» имеет свою собственную логику развития. Стихией «женской истории» предстают дом огузского бека и его народ. В данном пространстве женщина выступает как «равноправная» участница событий жизни огузов. В трудах Вл. Гордлевского, В. В. Бартольда, В.М. Жирмунского, ученого-этнографа Шиле однозначно отмечается, что в пределах жизни рода и племени женщинам тюркских народов отводилось равное с мужчинами положение. В частности, В. М. Жирмунский, ссылаясь на материалы эпоса народов Средней Азии, отмечает, что в патриархальных условиях кочевой жизни огузов, «жена богатыря» раскрывается «как его равноправная, умная и мужественная советница и помощница» [9, 320]. Сведения о положении женщин, приводимые В.М. Жирмунским по материалам героического эпоса огузов, находят подтверждение в трудах Вл. Гордлевского и в очерке ученого-этнографа Шиле. Вл. Гордлевский отмечает свободное и независимое положение женщин у огузских племен, сохранивших кочевой образ жизни. По Вл. Гордлевскому, в среде, в которую проникают феодальные отношения и идеология ислама, женщины тюркских народов менее свободны [4]. Шиле в этнографическом очерке, посвященном исследованию быта «киргизов» (т. е. казахов), также отмечает свободное и равноправное с мужчинами положение женщин среди казахов [13, 41].

Сведения из этнографического очерка Шиле позволяют шире раскрыть положение женщины кочевых тюркских народов [13]. В его очерке приводятся сведения о положении женщины казахского народа, что зафиксировано им к концу XIX столетия. В его очерке женщина «киргизских» (казахских) племен представлена как хранительница очага, умело управляющая «заботами» дома. «Ценя заслуги и познание женщин в хозяйстве, – пишет Шиле в очерке «Киргизы», – мужчины представляют им главное распоряжение в доме и очень часто сами прибегают к их советам» [13, 41]. Женщина «должна справ-

лять всю свою жизнь за мужчину все домашние работы, – сообщается в этнографическом очерке Шиле, – выючить юрты, ставить их, готовить кушанье, кормить детей, доить скот и смотреть за ними, обшивать семью, – все это лежит на обязанностях женщин» [13, 40]. Сведения, что приводятся Шиле в этнографическом очерке «Киргизы» (1879 г.) о «киргизских» (казахских) женщинах, на наш взгляд, имеют также отношение и к женщинам племен огузов Закавказья и Малой Азии, поскольку быт кочевых народов является устойчивой стороной их жизни.

В рассказах эпоса огузов мы находим явное различие в занятиях огузских богатырей и их жен. В рассказах «Книги моего деда Коркуда» повествуется, сын огузов становится защитником рода, дочь огузов вырастает и становится хранительницей семейного очага и принимает участие в управлении домом огузского бека и его рода. Разделение занятий огузских богатырей и их жен во многом определяется условиями «военного быта тюрок» [3, 2], при котором могущество и благополучие рода зависит от состояния дружины бека-феодала.

В семи из двенадцати рассказов «Книги Коркута» гяуры совершают набеги на селения огузов и захватывают в плен огузских богатырей. Огузские беки также совершают набеги на пограничные с их землями крепости иноплеменного населения. В. П. Курылев называет «географию набегов» огузских беков. Военные походы беков внутренних огузов совершались на крепости Амид, Мардин, Байбурт, находившихся на границе с их «зимовками» и «летовками». «Зимовки» внутренних огузов находились в долине верхнего Аракса, «летовки» – в предгорьях Арарата. Беки внешних огузов совершали набеги на территорию Грузии и Азербайджана, являвшихся пограничными внешним огузам землями. «Зимовки» внешних огузов находились в долинах рек Иоры и Куры, между Тбилиси и Бардой, «летовки» – в долине горы Сомхети [11, 2]. Помимо военных походов и набегов на крепости гяуров военная аристократия племен огузов с большим увлечением предается охоте на диких зверей.

Участие женщин в жизни рода у кочевых племен не ограничивается ее положением «хозяйки» дома. Свободное и равноправное положение женщины кочевых тюркских племен, как о том свидетельствуют этнографические и иные источники, проявляется в их участии в общественной жизни рода. Известное сведение из «Родословной туркмен» Абулгази «о семи девушках, которые, подчинив себе все огузово племя, много лет были беками» [8, 95], является одним

из немногих исторических источников, раскрывающих данную сторону исторической жизни кочевых тюркских народов.

В этнографическом очерке Шиле также приводятся сведения об участии «киргизских» (казахских) женщин в общественной жизни рода. По сведениям Шиле, женщины кочевых народов Средней Азии вплоть до XIX столетия сохраняли положение «хозяйки» не только при управлении домом, но и, по словам Шиле, они являлись «хозяйками» и «как член общества» [13, 42]. Участвуя на «сходках киргизов» (казахов), женщины подают голос наравне с мужчинами, – пишет Шиле. – По вопросам, касающимся общественных нужд, иногда даже мнение женщины имеет некоторое преимущество над мнением мужчин [13, 42].

В материалах героического эпоса огузов мы находим немало сведений, раскрывающих данную сторону жизни племен огузов. События жизни членов семьи бека, как повествуется в рассказах «Книги Коркута», неизбежно ставят женщину перед решением вопросов, связанных с интересами рода. Судя по событиям рассказов «Книги Коркута», участие огузской женщины в управлении родом не носило эпизодического характера, обусловленное крайними обстоятельствами жизни рода. Как о том повествуется в эпосе огузов, участие женщины в управлении родом было постоянным. В рассказах «Книги Коркута» жена Дерсе-хана (I) и Бурла-хатун (IV) являют пример женщин, управляющих родом. В отсутствии мужей они руководят родом и домом огузского бека. В отсутствие мужа «правительница рода», принимает решение созвать огузских беков на пир, в связи с первой охотой сына отдает приказ об отправлении отрядов для участия в решающем сражении огузских богатырей (IV).

В рассказах «Книги моего деда Коркуда» мы находим еще одну для современного читателя занимательную сторону жизни кочевых тюркских племен средних веков – участие женщин в военных походах. В. М. Жирмунский, ссылаясь на источники исторического и легендарного плана, приводит сведения об участии женщины тюркомонгольских народов «в боевых предприятиях своего рода и племени» [9, 222]. В. М. Жирмунский отмечает, что у многих народов «вплоть до высшей ступени варварства и даже в период «развивающихся феодальных отношений» женщины сохраняли сперва равноправное, позднее эпизодическое участие в военных предприятиях своих родичей и соплеменников» [9, 222]. В рассказах «Книги моего деда Коркуда» женщина-«соправительница рода» также играет не последнюю

роль в военных событиях жизни огузов. Своим участием в военных предприятиях огузских беков она часто определяет их исход, способствует победе огузов в их сражениях с врагами (I, IV, VII).

Завершая освещение «женской темы» или «женской истории», нам следует вернуться к обобщенному женскому образу, воссозданному в рассказах «Книги моего деда Коркута». Женские образы в рассказах «Книги Коркута» являют новый образ богатырской девы, какой был востребован новыми условиями историческими жизни огузов. Женщины, разделяя военную жизнь, какую вели

султаны и вожди племен огузов, обретают черты, какими в рассказах эпоса огузов наделяются богатыри. Женщины в рассказах «Книги Коркута» держат в своих руках «черные булатные мечи» и возглавляют отряды воинов. «Они натягивают двойной лук (направляя стрелу) вправо и влево; пущенные ими стрелы на землю не падают» [1, 64]. Но вместе с тем эпос огузов свидетельствует, что и в условиях войн огузов средоточием жизни для богатырских дев предстают события жизни их сыновей – первый подвиг, наречение именем, создание семейного очага.

Литература

- 1 «Книга моего деда Коркута», огузский героический эпос» / пер. акад. В.В. Бартольда. – М.-Л., 1962.
- 2 Алияров С.С. «Книга Коркута»: проблемы комплексного историко-филологического исследования // Советская тюркология. – 1989. – № 4. – С. 62-74.
- 3 Бартольд В. В. Турецкий эпос и Кавказ // Язык и литература. – Т. V. – 1930. – С. 1 – 18.
- 4 Гордлевский Вл. Государство Сельджукидов Малой Азии. – М.-Л.: изд-во АН СССР, 1941.
- 5 Жирмунский В. М. Исторические источники сказания о разграблении дома Салор-Казана [Текст] / В. М. Жирмунский // Древний мир: сб. статей в честь акад. В. В. Струве. – М., 1962 (2). – С. 377-385.
- 6 Жирмунский В. М. «КитабиКоркут» и огузская эпическая традиция // «Советское востоковедение». – 1958. – №4. – С. 90 – 100.
- 7 Жирмунский В. М. Народный героический эпос [Текст]: сравнит.-ист. очерки / В. М. Жирмунский. – М.-Л.: Гослитиздат, 1962.
- 8 Жирмунский В. М. Следы огузов в низовьях Сыр-Дарьи [Текст] / В. М. Жирмунский // Тюркологический сборник. – Т. I. – М.-Л.: изд-во «Наука», 1952. – С. 93-102.
- 9 Жирмунский В.М. Эпическое сказание об Алпамыше и «Одиссея» Гомера [Текст] / В.М. Жирмунский // Известия АН СССР. – 1957. – Т. XVI. – Вып. 2.
- 10 Короглы Х. Песни Коркута // Советская тюркология. – 1971. – № 2. – С. 108 – 118.
- 11 Курьлев В.П. Общественный строй по данным эпоса «Деде Коркута» // Материалы VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. – М.: изд-во «Наука», 1964. – 9 с.
- 12 Липец Р.С. «Завоеванная женщина» в тюрко-монгольском эпосе. В кн. «Фольклор и историческая этнография» / отв. ред. Р.С. Липец. – М.: изд-во «Наука», 1983. – С. 42 – 74.
- 13 Шиле. Киргизы. Исторический очерк и народный характер // Природа и люди. Иллюстративный журнал. Литературный, научный, политический, апрель, , СПб., 1872. – 268 с. – С. 1 – 42.

References

- 1 «Kniga moego deda Korkuta», oguzskij geroicheskiy jepos» / per. akad. V.V. Bartol'da. – M.-L., 1962.
- 2 Alijarov S.S. «Kniga Korkuta»: problemy kompleksnogo istoriko-filologicheskogo issledovanija // Sovetskaja tjurkologija. – 1989. – № 4. – S. 62-74.
- 3 Bartol'd V. V. Tureckij jepos i Kavkaz // Jazyk i literatura. – T. V. – 1930. – S. 1 – 18.
- 4 Gordlevskij Vl. Gosudarstvo Sel'dzhukidov Maloj Azii. – M.-L.: izd-vo AN SSSR, 1941.
- 5 Zhirmunskij V. M. Istoricheskie istochniki skazaniya o razgrablenii doma Salor-Kazana [Tekst] / V. M. Zhirmunskij // Drevnij mir: sb. statej v chest' akad. V. V. Struve. – M., 1962 (2). – S. 377-385.
- 6 Zhirmunskij V. M. «KitabiKorkut» i oguzskaja jepicheskaja tradicija // «Sovetskoe vostokovedenie». – 1958. – №4. – S. 90 – 100.
- 7 Zhirmunskij V. M. Narodnyj geroicheskiy jepos [Tekst]: sravnit.-ist. ocherki / V. M. Zhirmunskij. – M.-L.: Goslitizdat, 1962.
- 8 Zhirmunskij V. M. Sledy oguzov v nizov'jah Syr-Dar'i [Tekst] / V. M. Zhirmunskij // Tjurkologicheskij sbornik. – T. I. – M.-L.: izd-vo «Nauka», 1952. – S. 93-102.
- 9 Zhirmunskij V.M. Jepicheskoe skazanie ob Alpmyshe i «Odisseja» Gomera [Tekst] / V.M. Zhirmunskij // Izvestija AN SSSR. – 1957. – T. XVI. – Vyp. 2.
- 10 Korogly H. Pesni Korkuta // Sovetskaja tjurkologija. – 1971. – № 2. – S. 108 – 118.
- 11 Kurylev V.P. Obshhestvennyj stroj po dannym jeposa «Dede Korkuta» // Materialy VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologicheskij i jetnograficheskij nauk. – M.: izd-vo «Nauka», 1964. – 9 s.
- 12 Lipec R.S. «Zavoevannaja zhenshhina» v tjurko-mongol'skom jepose. V kn. «Fol'klor i istoricheskaja jetnografija» / отв. red. R.S. Lipec. – M.: izd-vo «Nauka», 1983. – S. 42 – 74.
- 13 Shile. Kirgizy. Istoricheskij ocherk i narodnyj harakter // Priroda i ljudi. Illjustrativnyj zhurnal. Literaturnyj, nauchnyj, politicheskij, aprel', , SPb., 1872. – 268 s. – S. 1 – 42.